

На обед я приготовил любимый суп Цзян Чэна — суп из свиных ребрышек с корнем лотоса, а к нему подал несколько легких закусок, которые пришлось по душе и Цзинь Лину. Во время еды Цзян Чэн спросил Цзинь Лина:

— В вашей библиотеке клана Цзинь есть какие-нибудь древние книги или секретные трактаты?

Цзинь Линь ответил:

— Не знаю, я редко заглядываю в библиотечный павильон. Впрочем, младший дядя очень любил собирать всякие древности, так что, должно быть, что-то найдется. А зачем ты спрашиваешь?

— Не твое дело, ешь давай. Как доешь, проведешь меня туда посмотреть.

Уплетая рис за обе щеки, я мысленно иступленно вопил: Зачем еще, разумеется, чтобы отыскать способ восстановить Золотое Ядро Вэй Усяня! Ах ты этот упрямец, вечно притворяешься равнодушным, хотя на самом деле переживаешь за него. Неудивительно, что Вэй Усянь в итоге сбежал с другим!

Цзян Чэн бросил на меня свирепый взгляд и ничего не сказал, продолжая молча трапезничать. Я опешил: Чего это он на меня уставился? Я ведь ни слова не произнес. Ну и переменчивый же у него характер, зря только такая смазливая морда досталась. В последнее время я изо всех сил старался угодить ему: извращался с готовкой, вел себя тише воды ниже травы, в лепшизацию разбивался, чтобы поднять шкалу благосклонности, но она застряла на тридцати пяти процентах и с места не двигалась. Иногда после каких-нибудь моих поступков шкала чуть ползла вверх, но вскоре снова падала, а порою скакала вверх-вниз, как американские горки. Мое настроение из-за этого тоже мотало из стороны в сторону, но благосклонность упорно держалась на той же цифре. Эх, понятия не имею, когда уже этот кошмар закончится. И только я не заметил, как у Цзян Чэна снова покраснели кончики ушей.

К слову, когда показатель благосклонности дошел до двадцати, Система открыла в моем сознании новый навык: Улучшение кулинарного мастерства. Впрочем, толку от него никакого, и упоминать не стоит. Этот паршивый навык, данный в первый раз, до сих пор не заработал, да и нынешний — мертвым грузом. Ладно, хватит надеяться на эту никчемную Систему: на гору понадеяешься — она рухнет, лучше рассчитывать на собственные силы. Стоит подумать, как покрепче ухватиться за бедро Цзян Чэна, чем полагаться на такое убожество.

— Ладно, — отозвался Цзинь Линь и послушно продолжил есть, хотя в душе остался в полном недоумении. При этом он прекрасно всё понимал: чего тут скрывать-то, ясно же, что всё ради Вэй Усяня. На словах вечно изображает лютую ненависть, а на деле душа за него болит.

Неудивительно, что тот предпочел уйти с Ханьгуан-цзюнем в Известные Глубины Облаков, где действуют тысячи правил, а не возвращаться с тобой в Пристань Лотоса. Посмотри, как с ним обращается Ханьгуан-цзюнь, и как — ты.

Однако озвучить эти мысли Цзинь Линь посмел бы разве что про себя — да ни за что на свете не произнес бы вслух.

После трапезы Цзинь Линь проводил нас в библиотечный павильон.

Клан Цзинь и впрямь купался в роскоши: окинув взглядом бесконечные ряды книг, Цзян Чэн невольно проникся уважением — пожалуй, собрания сочинений всех великих кланов вместе взятых не шли ни в какое сравнение с богатствами одной лишь резиденции Цзинь.

Быть может, на сей раз удастся отыскать то, что поможет Вэй Усяню.

— Дядя, давай я помогу тебе искать.

— Не нужно, подожди меня снаружи.

Но на этот раз Цзинь Линь ослушался Цзян Чэна: проигнорировав его слова, он отправился к противоположным стеллажам и принялся перебирать фолианты.

Цзян Чэн не стал к нему приставать — раз племянник не мельтешит перед глазами и не докучает болтовней, пусть копошится где хочет. Сам же я совершенно не смыслил в этих замысловатых древних текстах, написанных на мудреном классическом языке, а потому просто забился в дальний угол галереи, засел на корточках и принялся гонять палочкой муравьев, коротая время и совершенно не участвуя в их поисковых трудах.

Ближе к вечеру, когда они перерыли уже больше половины хранилища, Цзян Чэн начал тревожиться. Неужели снова всё окажется напрасно?

В этот момент Цзинь Линь радостно воскликнул:

— Дядя, я нашел!

Цзян Чэн подскочил ближе, и его взору предстали крупные иероглифы: Сердечный метод культивации Золотого Ядра. Я тоже бросил свою палочку и протиснулся вперед:

— Ах, Цзинь Линь у нас просто молодец!

Цзинь Линь самодовольно задрал нос:

— То-то же.

— Ты... — Цзян Чэн замялся, собираясь с мыслями.

Взглянув на его смущенное лицо, Цзинь Линь произнес:

— Дядя, я знаю, что ты переживаешь за дядю Сяня. Видишь, что его духовные силы сейчас слабы, и хочешь помочь ему скорее сформировать ядро и поднять уровень культивации. Я всё понимаю. Не бойся, я никому ни слова не скажу, об этом знаем только мы двое — небо, земля, ты и я.

Едва он умолк, я вскинул высоко вверх руку и вклинился в разговор:

— И я знаю!

Цзинь Линь одарил меня презрительным взглядом и сделал вид, что не заметил.

Цзян Чэн был тронут до глубины души. Не зря он ребенок его старшей сестры — такой чуткий, угадал все потаенные помыслы. И он даже не подозревал, что вчера, наклюкавшись вдребезги, выложил всё, что таилось на сердце.

Выдохнув, Цзян Чэн промолвил:

— Наш Цзинь Линь совсем взрослый стал.

Услышав это, Цзинь Линь расплылся в счастливой улыбке. Лишних слов от Цзян Чэна не требовалось: одна эта фраза стала для него высшей похвалой.

Ранним утром следующего дня перед выходом из дома Цзян Чэн спросил Цзинь Линя:

— Ты отправил весточку Вэй Усяню? Он ответил?

Цзинь Линь ответил:

— Давно отправил. Он прислал в ответ всего два иероглифа: в курсе. Наверное, придет.

Цзян Чэн заметил:

— Всего два иероглифа? Не в его это правилах. Неужели, связавшись с Лань Ванцзи, он и сам разучился языком влатать?

— Ладно, он ведь вечно падок на всякие сборища, наверняка явится. Встретимся на горе Линъюй, пошли уже.

И наша компания двинулась в путь к горе Линъюй.

<http://bllate.org/book/19703/1937802>